

МУРЗИЛКА

№ 11

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

НОЯБРЬ
1963

ЛУНА И СПУТНИКИ

П. ДАРИЕ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Под Луною, напевая,
Вьётся звёздочка живая —
Спутник в космосе летит
И с Землёю говорит.

«Та-та-та! — стучит прибор. —
Выбираюсь на простор!

Землю всю здесь видно сразу!
Механическому глазу
Различимы цепи гор...
Та-та-та!» — стучит прибор.

Пролетает, напевая,
Спутник — звёздочка живая,
А вослед за ней с Земли
Звёзды новые взошли.

И задумалась Луна:
Далеко живёт она!
Как бы ей спуститься ниже,
К этим звёздочкам поближе?

Но, печаль заметив эту,
Люди шлют к Луне ракету.

Говорит Луне ракета:
«Ты разута и раздета!
Оттого-то ты бледна,
Что весь век живёшь одна.

Потерпи уж как-нибудь!
Мы к тебе протопчем путь,
Привезём тебе, Луна,
Все земные семена!

Дар от школьников
советских —
Семена орехов грецких,
Семена берёз
И роз,
Трав различных целый воз.

И пришлют тебе юннаты
Разношёрстных и пернатых.

Станешь ты тогда, Луна,
И кудрява и шумна,
А тогда и Человек
Отдохнёт у лунных рек...»

Так промолвила ракета,
Уходя в туман рассвета.

Перевёл с молдавского
Юрий Коринец

ОКТАБРЁНОК!

Мы печатаем для тебя книгу. Она начинается на 3—6-й страницах журнала.

Писатели расскажут в этой книге о самом великом человеке на земле, о Владимире Ильиче Ленине — его детстве, юности, о его зрелых годах, когда Ленин создавал Коммунистическую партию, укреплял нашу Родину — Советский Союз.

В 1965 году весь мир будет отмечать 95-летие со дня рождения В. И. Ленина.

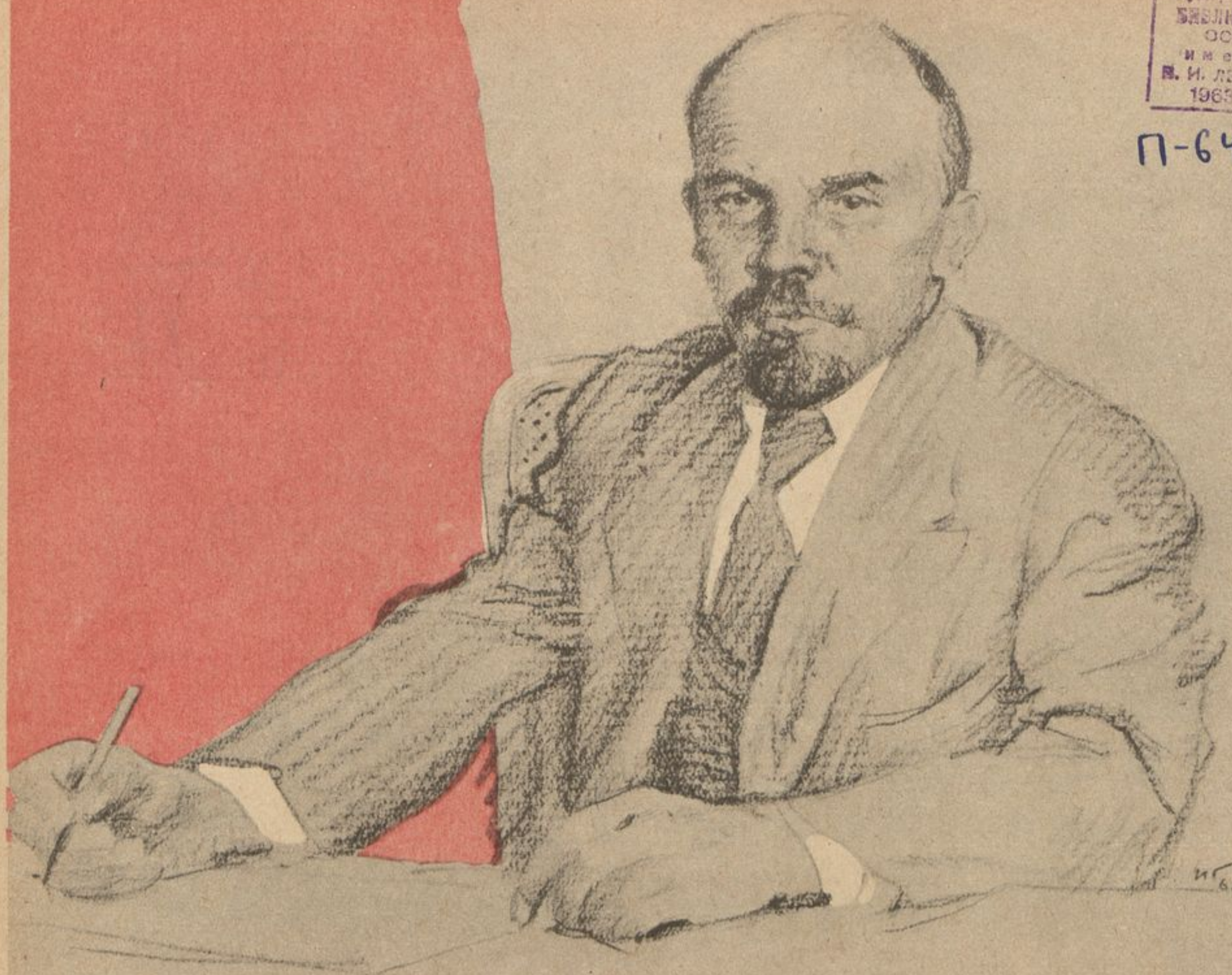
К этому времени мы напечатаем все рассказы для книги.

Ты тогда будешь на полтора года старше и сумеешь сам сделать из отдельных страниц журнала настоящую книгу. Мы поможем тебе. Напечатаем обложку, расскажем, как соединить странички.

А пока собирай журналы и бережно сохраняй их, чтобы 22 апреля 1965 года прийти на сбор с подарком — новой книгой рассказов о В. И. Ленине, сделанной своими руками.

Государственный
БИБЛИОТЕКА
ОСОБ
ИМЕН
В. И. ЛЕНИНА
1963 г.

П-64-8001

МЫ ЛЮБИМ ЛЕНИНА

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рис. И. ГРИНШТЕЙНА

Много лет назад, когда я был совсем маленьким, у нас в доме появился портрет. Я долго рассматривал его, а потом спросил отца:

— Кто это?

— Дедушка Ленин, — ответил мне отец.

Я так и знал, что это дедуш-

ка. У него усы и борода, а лицо приветливое и усталое, как у всех немолодых людей. Я решил: раз портрет висит в нашей комнате, значит это мой дедушка, и мне захотелось по-видаться с ним. Я спросил:

— А где он?

— Он умер.

Когда человеку очень мало лет, он не понимает, что значит „умер“. Я решил, что „умер“ — значит уехал куда-то надолго и когда-нибудь вернётся.

Я стал ждать возвращения дедушки Ленина.

О дедушке Ленине часто говорили дома. О нём говорили, как говорят о живых людях: „Ленин сказал“, „Ленин сделал“, „Ленин победил“. Я окончательно убедился, что дедушка Ленин жив, раз он говорит, делает, побеждает.

Как-то раз мы отправились

в гости к папиному товарищу. Едва мы вошли в дом, как я заметил на стене портрет дедушки Ленина. Я очень удивился, что портрет моего дедушки повесил малознакомый человек. А может быть, я ошибся, может быть, это другой дедушка, просто он похож на моего? Я робко спросил:

— Кто это?

И папин товарищ ответил мне:

— Это дедушка Ленин. Разве ты не узнал?

Я помню первомайский день, когда отец взял меня на демонстрацию. Город был неузнаваемым. На мостовой было много народу. Играли оркестры. Дома были украшены кумачом. Люди все шли в одном направлении и несли знамёна и плакаты. И вдруг я увидел портрет дедушки Ленина. Его нёс высокий мужчина, держа высоко

над головой, чтобы все видели. Мы прошли несколько шагов, и я увидел ещё один знакомый портрет. Он был так велик, что его несли двое. И за углом со стены дома из красной рамки на меня смотрел большой-большой дедушка Ленин. Чем дальше мы шли по городу, тем больше знакомых портретов мне попадалось.

— Папа, — не выдержал я, — почему все несут портреты дедушки Ленина?

— Потому, что он великий человек.

Я удивился. Великие люди были незнакомыми и чужими, и я не испытывал к ним никаких родственных чувств. А дедушка Ленин был моим. Я любил дедушку Ленина.

Незнакомые люди, которые несли портреты в красных рамках, как бы говорили, что дедушка Ленин не только мой, но и их тоже.

Шли годы. Раньше я думал, что только я один люблю дедушку Ленина. Но оказалось, что его любит множество людей, больших и маленьких. И повсюду говорят: „Ленин сказал“, „Ленин сделал“, „Ленин победил“. Маленькие называют его, как и я, дедушкой, а взрослые люди зовут его по имени-отчеству — Владимир Ильич, или по-родственному, просто: Ильич. Так неужели он всем родной?

Однажды я попал с отцом на вокзальную площадь. Посреди площади застыл большой тёмный броневик. На башне броневика стоял человек. Я сразу узнал его. Это был дедушка Ленин. Он был из бронзы, но я всё равно узнал его. Дедушка Ленин стоял без кепки — кепку он держал в руке, — в пальто нараспашку, будто ему было жарко.

— Почему дедушка Ленин стоит на броневике? — спросил я отца.

— Потому что дедушка Ленин боец.

Вот как! Это хорошо, что он боец. Раньше я думал, что все его любят за то, что он добрый и весёлый и не даёт в обиду ребят. А он, оказывается, ещё и боец.

— А где его винтовка, чтобы стрелять по врагам? — спросил я и тут же сообразил сам, что винтовка ему не нужна, раз у него броневик с двумя пулемётами. — Он командир броневика? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил папа, — он поднялся на броневик, чтобы всем его было видно. Он командир революции.

Я знал, что революция — это когда рабочие и крестьяне прогнали богачей, помещиков, купцов. А крейсер „Аврора“ стрелял по Зимнему дворцу. Так, значит, это дедушка Ленин командовал революцией, не побоялся пуль, поднялся на броневик, чтобы его всем было видно.

Когда я стал старше, я понял, что означает слово „умер“. Но Ленин всё равно остался для меня живым любимым человеком. О нём, как о живом, говорят в каждом доме. И когда наш народ одерживает победу, то обязательно вспоминают Ленина. Потому что в каждой победе — частица его труда, частица его жизни.

Овсяная каша

З. АЛЕКСАНДРОВА Рис. Э. БУЛАТОВА, О. ВАСИЛЬЕВА

Наш трактор лесную поляну распашет...
Что вырастет в поле?
Овсяная каша!

В бороздки посеяны твёрдые зёрна,
Как дружно они проросли и проворно!

Тут солнце решило приняться за дело,
И поле в неделю зазеленело.

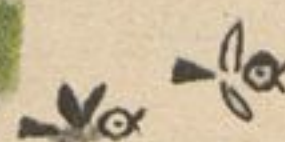
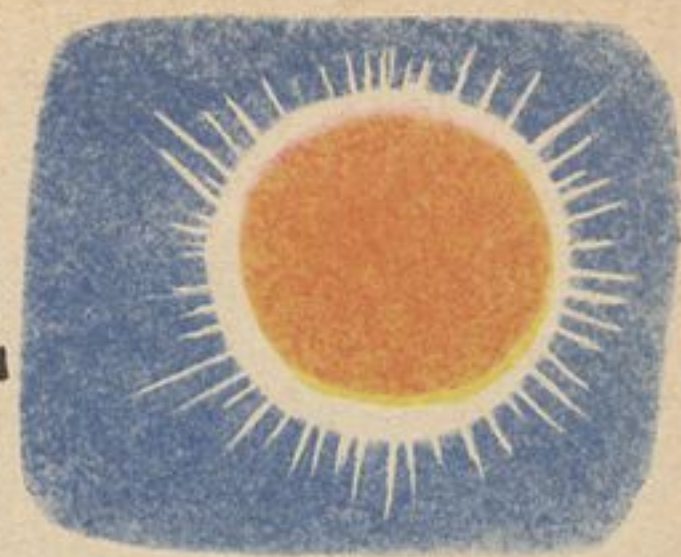
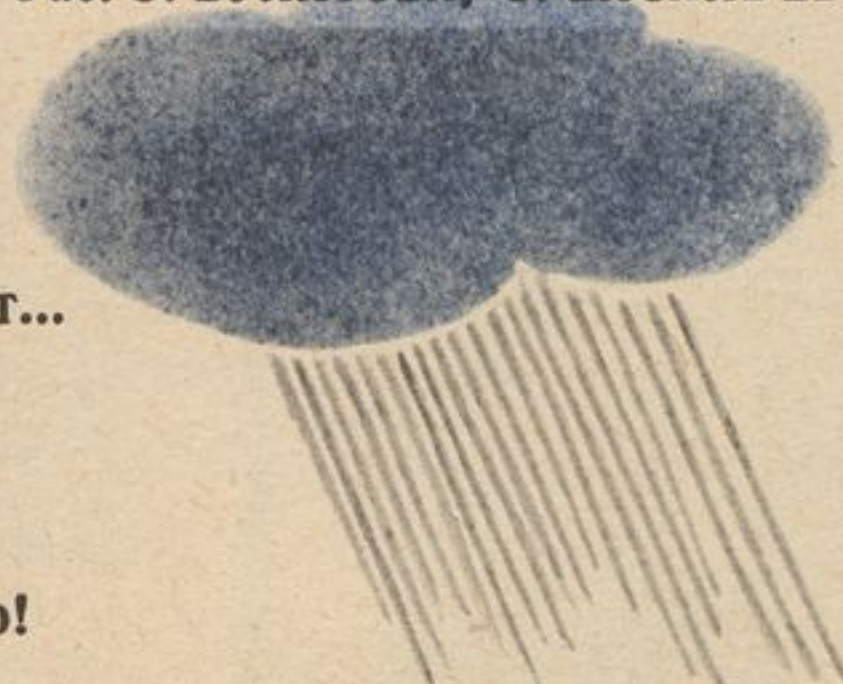
Иголки зелёную землю проткнули,
А дождик спросил:
— Я помочь не могу ли?

Ну что же, полей,
припусти ещё пуще,
Чтоб каша была и вкуснее и гуще.

Вот поле стоит, как огромная чаша,
Растёт, подрастает овсяная каша.

Овсы поднялись за четыре недели,
Во все колокольчики зазвенели.

А начало поле желтеть, золотиться,
Туда налетели скворцы и синицы.

— Э-гей, улетайте, помощники наши!
Нам тоже охота попробовать каши!

И выросла каша душистой и сладкой,
Работает в поле колхозная жатка.

А ей помогает подружка-старушка,
Проворная, ловкая крупорушка.

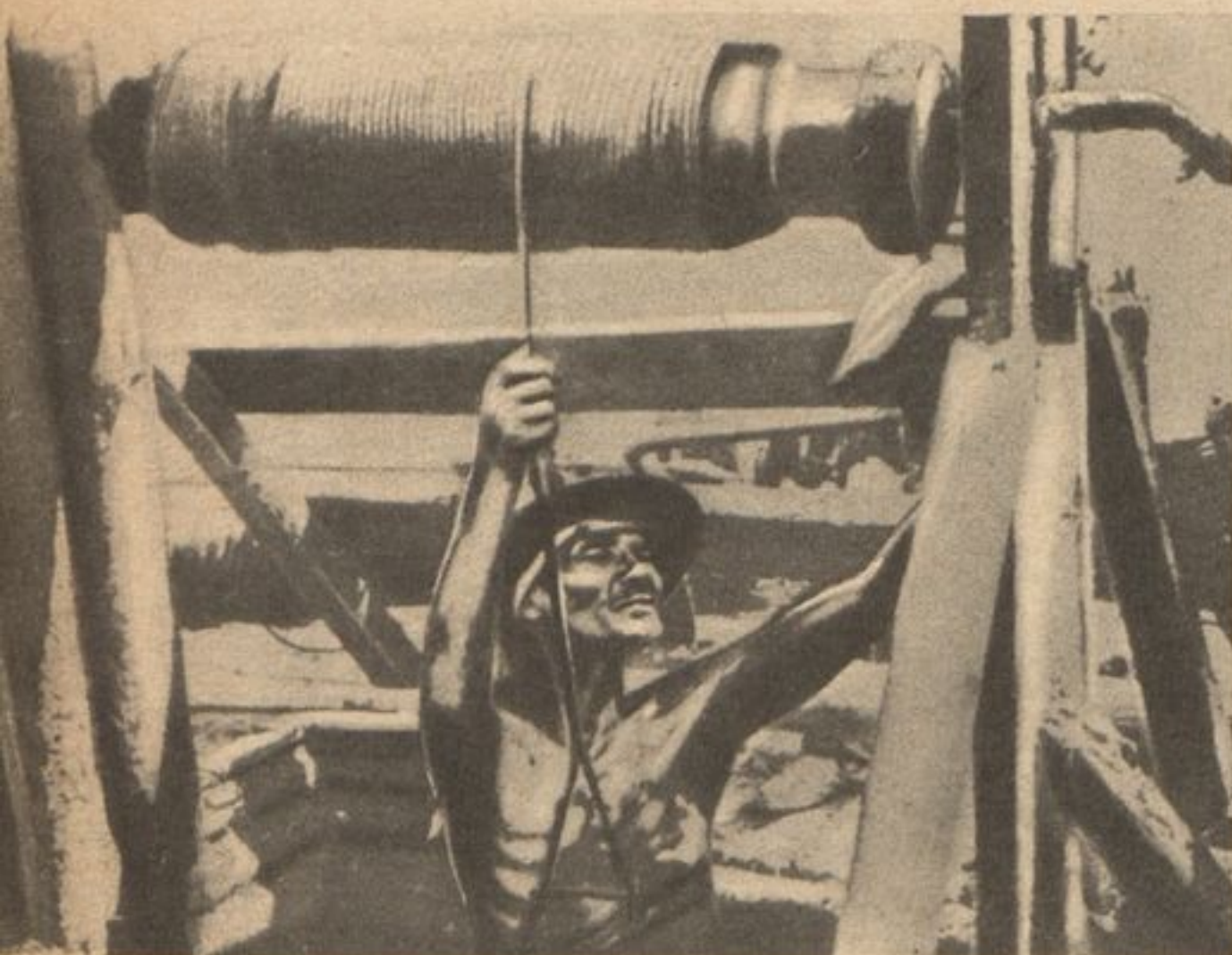
Толкаются куры на каждом крылечке,
Включаются плитки и топятся печки,

И мамы нам варят кормилицу нашу —
Молочную кашу, овсяную кашу.

Так добывали уголь...

Так добывали нефть...

Так жили...

Р

ассмотри снимки слева, дружок! Они сделаны на той самой земле, на которой мы с тобой живём. Смотришь на них и не веришь, что жизнь когда-то была такой тяжёлой. Но это так и было.

Какое же чудо случилось? Благодаря чему произошли сказочные перемены в тех местах, где были сделаны снимки? Имя чуду — Великая Октябрьская социалистическая революция. «Русским чудом» назвали свою картину режиссёры Германской Демократической Республики Аннели и Андре Торндайк. В этой картине показана жизнь России до революции и после неё, в наши дни. И знаешь, всё, что видишь в картине, действительно похоже на чудо. Одна из самых отсталых в мире стран стала одной из самых могучих и передовых.

«Занятия с октябрятами». Виктория Односумова, 12 лет, село Кухтаево Пермской области.

«Космонавты на планете». Саша Безруких, 9 лет, г. Краснодар.

МЫ ЖИВЁМ

Но вот ты выходишь из кино, и чудо продолжается.

На твоих глазах взлетают ввысь космические корабли, поднимаются корпуса новых фабрик, растут новые дома.

И тогда ты из зрителя превращаешься в художника. Берёшь кисть, карандаш и... Мы не знаем, что ты нарисуешь. Но вот то, что уже нарисовали твои сверстники, мы показываем на этих страничках. Посмотри, какой видится Саше Безруких чужая планета, когда на ней приземляются советские космонавты. А «Завод» Гусейна Набиева! Он так и манит к себе: «Заходи, поработай...» И «Каток» Наташи Махжоровой тоже как бы зовёт: «Заходи, покатайся...»

Хорошо жить в Стране Советов, в стране русского чуда!

«На Луне». Володя Чичков, 13 лет, г. Бобруйск.

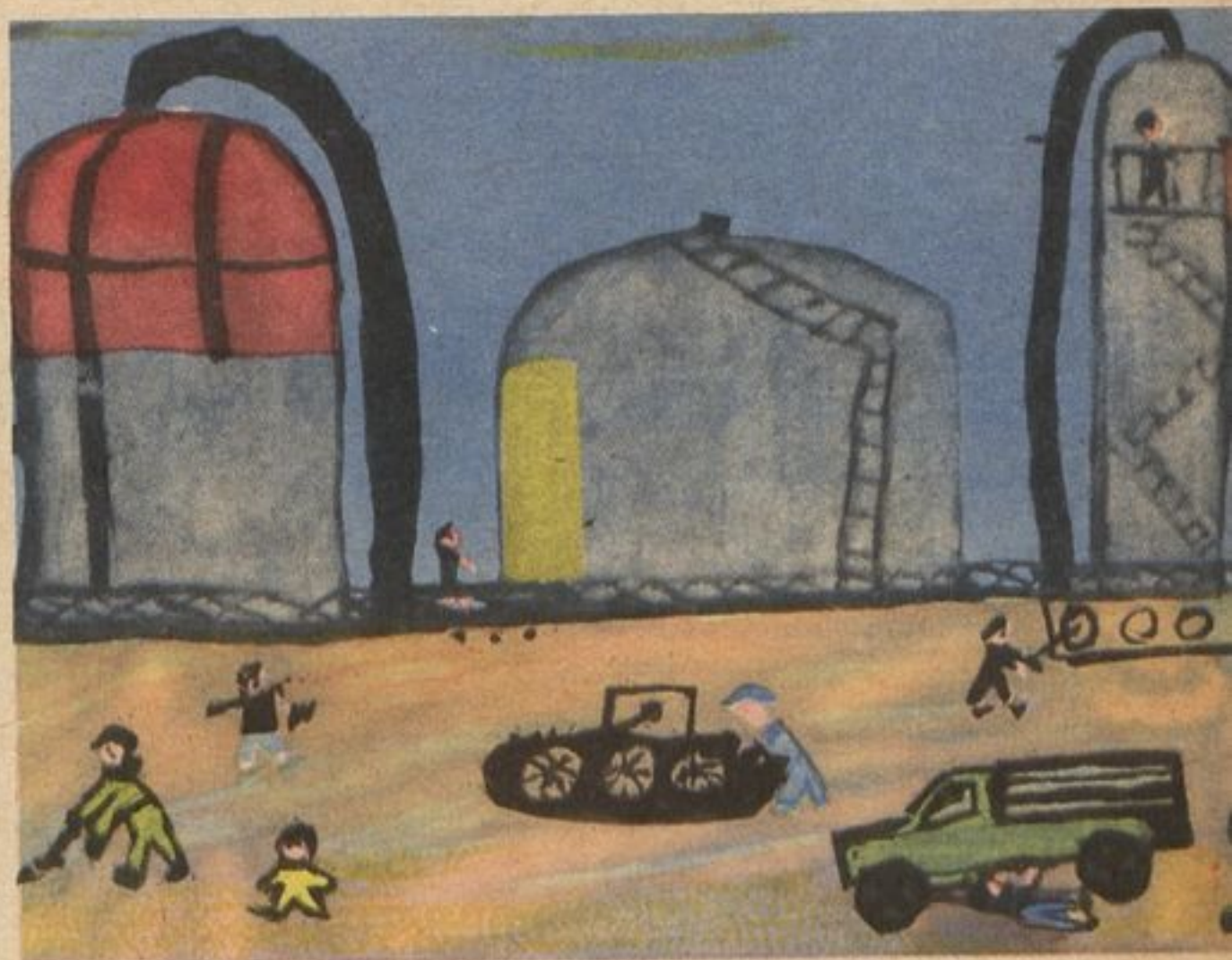
«На катке». Наташа Махжорова, 10 лет, Москва.

«Тётя Валя Терешкова». Катя Эдельштейн, 6 лет, п/о Борок Ярославской области.

«Пароход». Нарик Кулиев, 7 лет, г. Баку.

«Завод». Гусейн Набиев, 7 лет, г. Баку.

АДРИАН МИХАЙЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ

Когда начинается работа над новым номером журнала, важно решить, кто из художников будет делать рисунки.

Есть художники, у которых очень хорошо получаются картинки к сказкам. Другим лучше удаются рисунки родной природы. Третьи любят рисовать детей, их игры, забавы, занятия. Значит, первому надо послать сказку, второму — стихи о зиме, третьему — рассказ, в котором главные действующие лица — ребята.

Адриан Михайлович Ермолаев одинаково хорошо рисует и природу, и детей, и волшебные сказочные сцены. И если он не очень занят другой работой, с удовольствием принимает заказ «Мурзилки».

Но особенно любит он рисовать картинки к стихам и рассказам о революции, о гражданской войне, о нашей защитнице — Советской Армии и её маленьких отважных помощниках — ребятах.

Адриану Михайловичу было восемнадцать лет, когда он стал бойцом Чапаевской дивизии. Ему довелось участвовать в сражениях с белогвардейцами на Урале, на Дону, на Кавказе.

И теперь, рисуя пулемётчиков на тачанке, красноармейцев, идущих в атаку, он рассказывает вам о своих друзьях и товарищах, помогает представить то далёкое и героическое время.

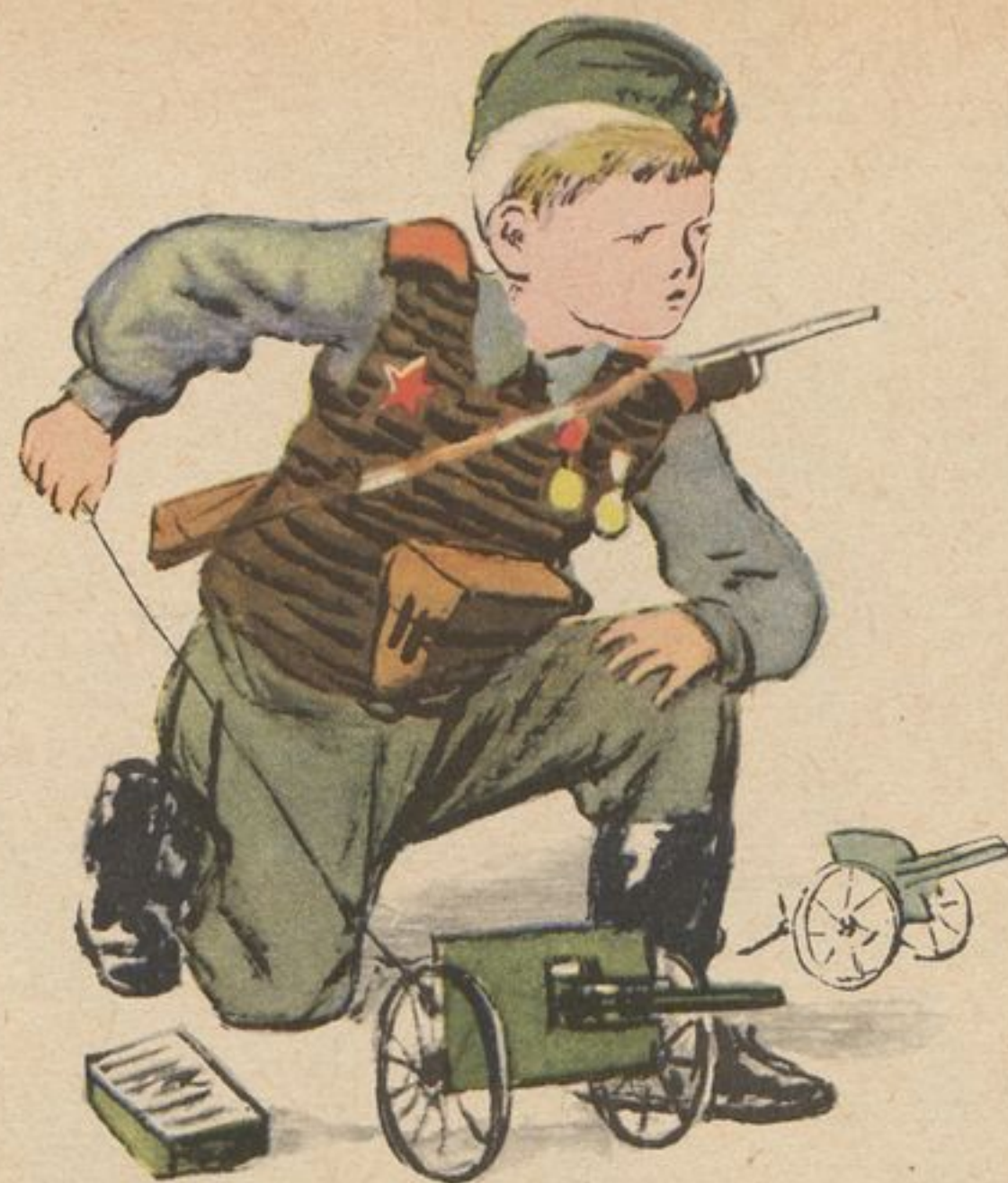

Будущий капитан.

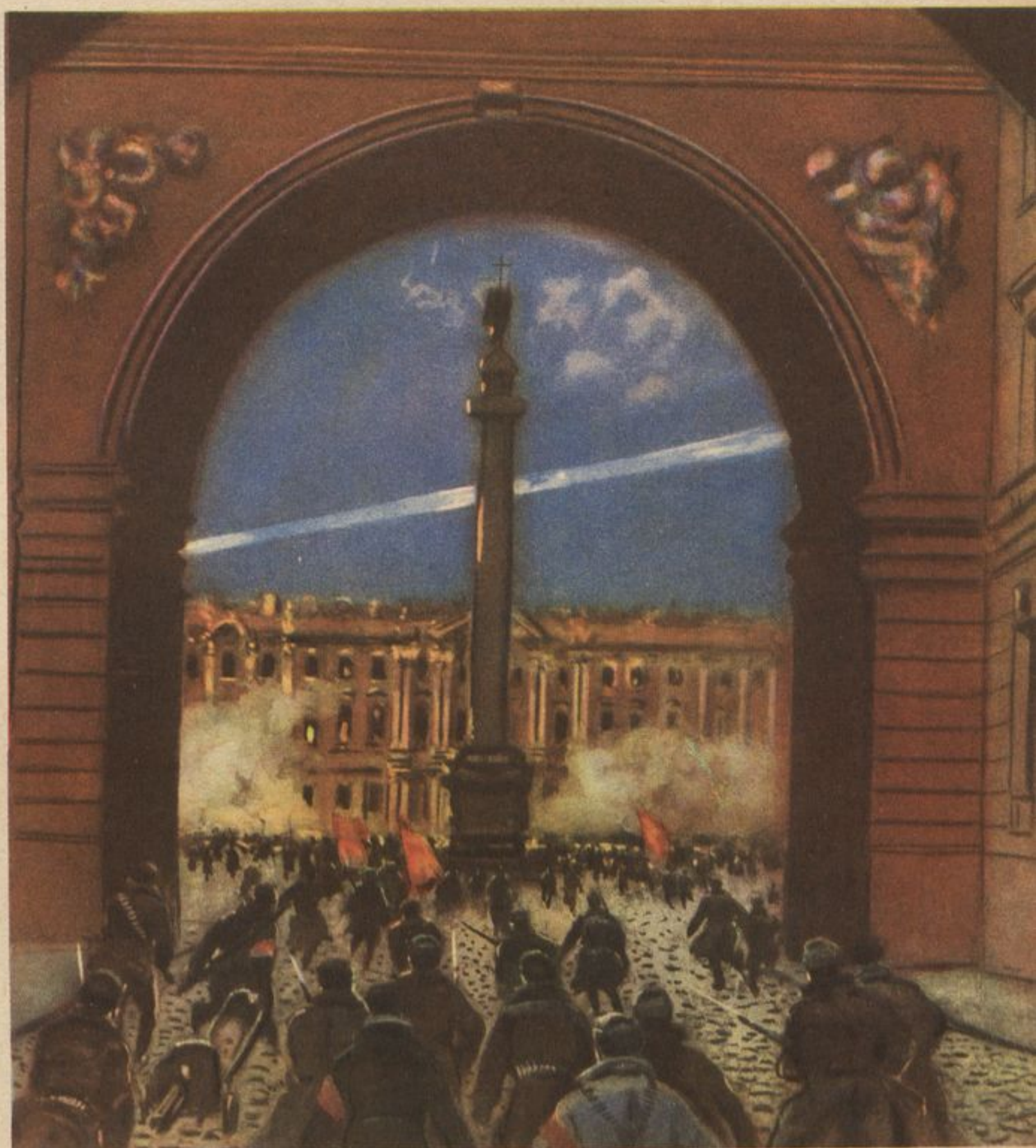

Санитарка.

Артиллерист.

РИСУНКИ А. М. ЕРМОЛАЕВА

Взятие Зимнего.

Для самых маленьких

И. ТОКМАКОВА
Рис. Л. ТОКМАКОВА

Выйди, выйди, солнышко:
Мы посеём зёрнышко.
Скоро вырастет росток,
Потянется на восток.
Потянется на восток —
Перекинется мосток.
По мосточку пойдём,
В гости к солнышку придём.

Аист, аист длинноногий,
Покажи домой дорогу!
Топай правою ногой,
Топай левою ногой,
Снова правою ногой,
Снова левою ногой,
После правою ногой,
После левою ногой.
Вот тогда придёшь домой.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

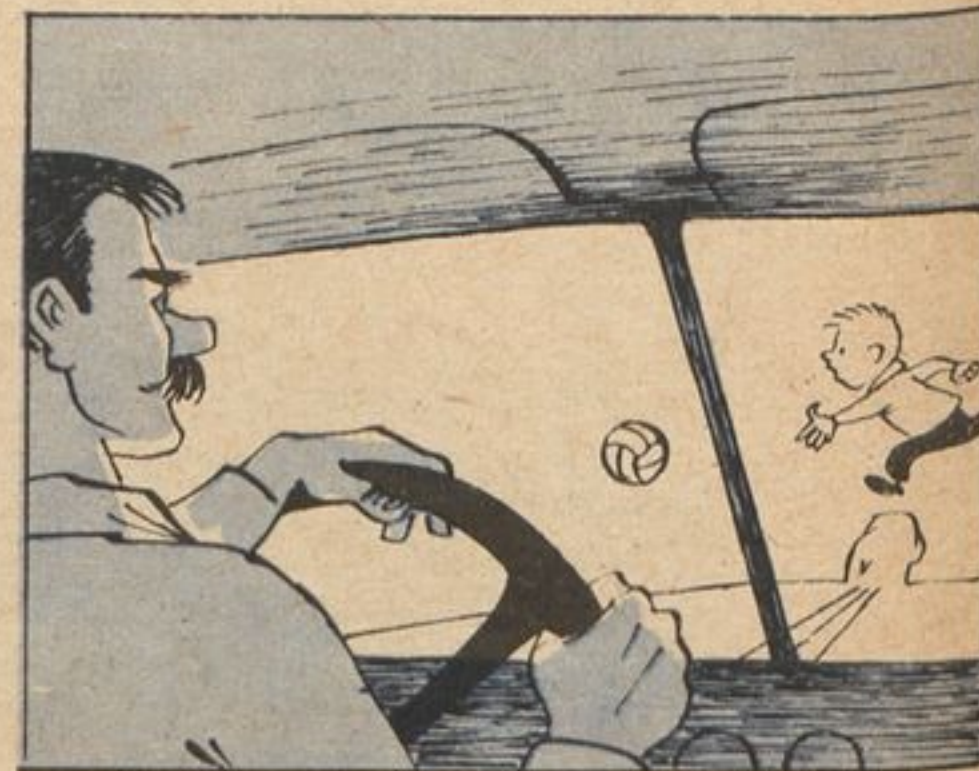
А. НЕКРАСОВ

Играли ребята в футбол на дворе.
Витя встал у ограды и говорит: «Ни-
кто мне гол не забьёт!»

Раз пробили — взял. Два пробили — взял.
А на третий раз пропустил. И выкатился
мяч на улицу.

Витя бросился за мячом, а тут
«МАЗ» с прицепом. Вёл его шофёр
первого класса Виктор Иванович.
И навстречу шли машины...

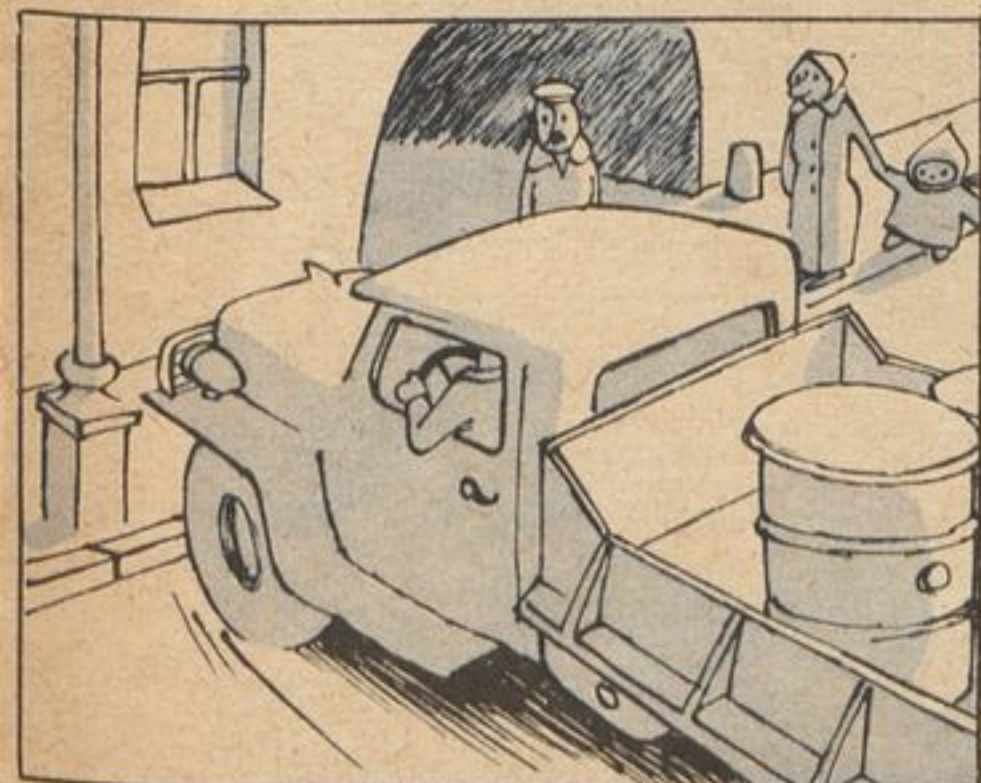

Как на горке — снег, снег,
И под горкой — снег, снег,
И на ёлке — снег, снег,
И под ёлкой — снег, снег,
А под снегом спит медведь.
Тише. Тише. Не шуметь!

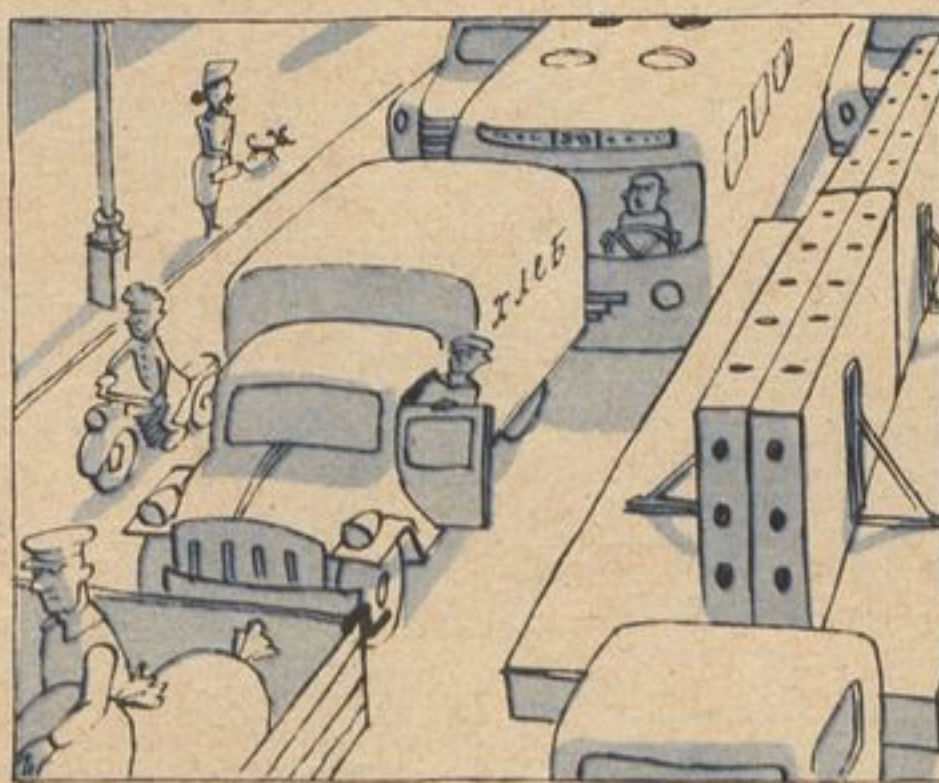

Пой-ка, подпевай-ка,
Десять птичек — стайка:
Эта птичка — соловей,
Эта птичка — воробей,
Эта птичка — совушка,
Сонная головушка.
Эта птичка — свиристель,
Эта птичка — коростель,
Эта птичка — скворушка,
Серенькое пёрышко.
Эта — зяблик,
Эта — стриж,
Эта — развесёлый чиж.
Ну, а эта — злой орлан.
Птички, птички, по домам!

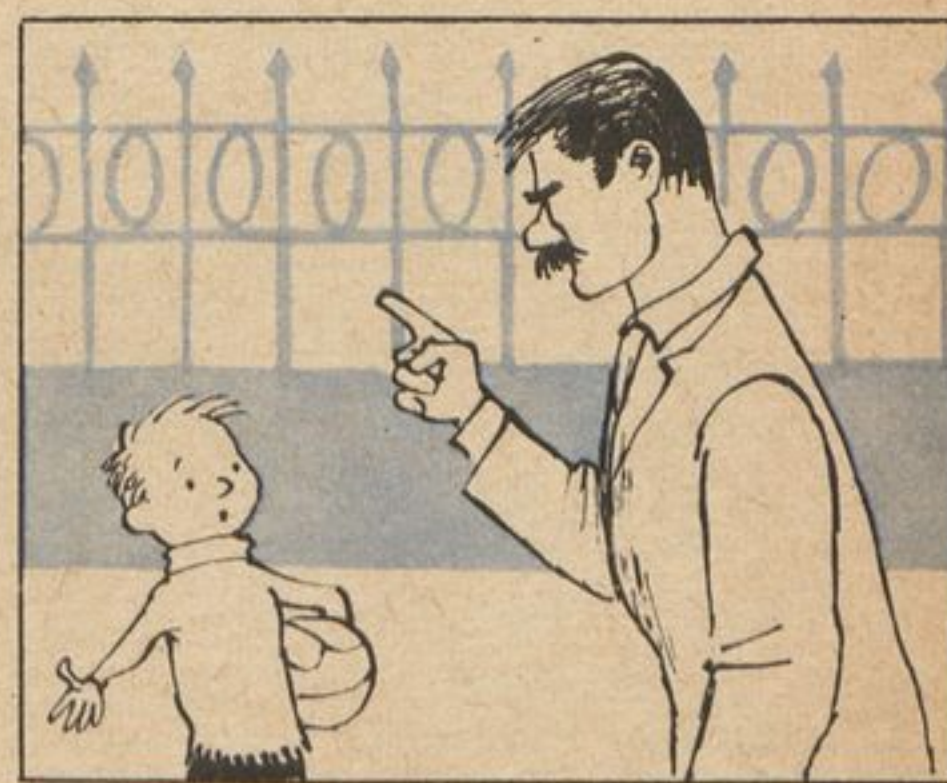
Рис. В. ЧИЖИКОВА

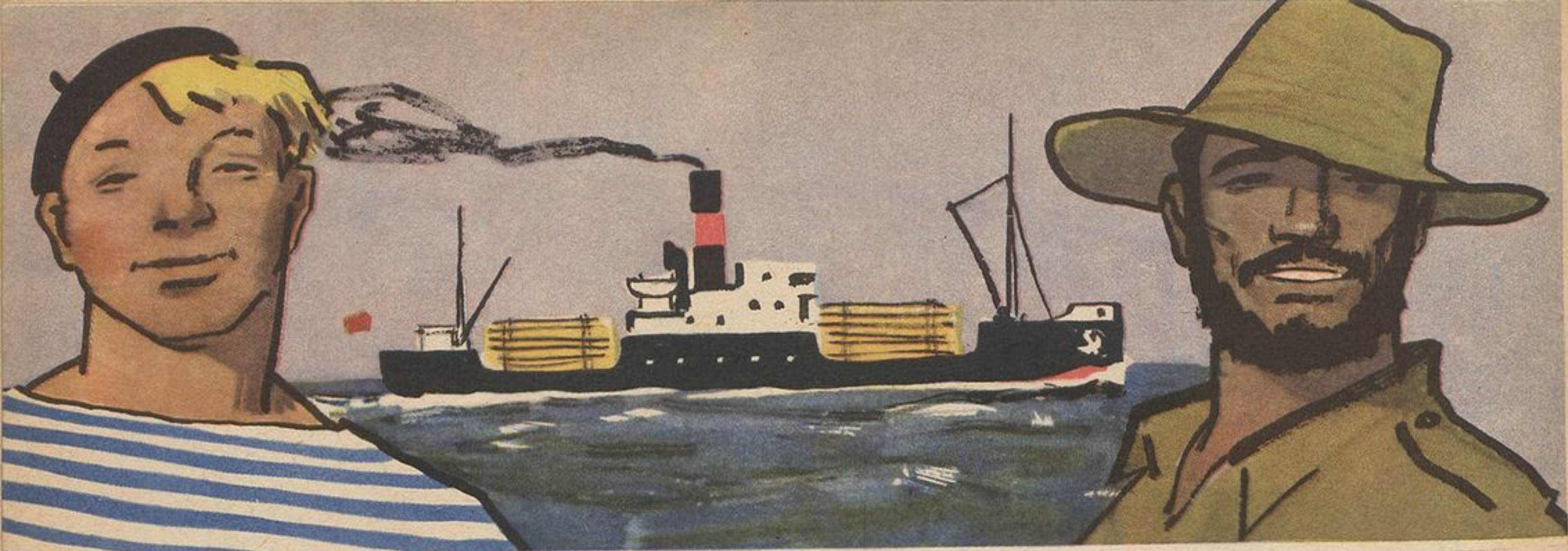
Виктор Иванович затормозил. Но было очень скользко, и машину занесло. Витя цел, и мяч цел, а «МАЗ» встал поперёк улицы, движение остановил.

На стройке в этот день пол-этажа не достроили. Из столовой люди ушли голодные. Врач к больному на целый час опоздал.

Виктор Иванович, наконец, развернул машину и говорит: «Эх ты, голова! Смотри, что наделал!»

ОТ КУБЫ ДО ВЛАДИВОСТОКА

(Продолжение)

В. КОРЖИКОВ

Рис. А. КОКОРИНА

В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Вот и Индийский океан нас качает. Каждый день отмечает штурман на карте пройденный путь. Маленькая чёрточка получается. А в каждой чёрточке, как вспомнишь, то шторм, то ночь бессонная. Здесь целых семь чёрточек, то вверх, то вниз. Всю неделю нас качало и с курса сносило.

А вот и ещё одна. У неё своя, особенная история.

Стоял я как-то на корме у поручней, на воду смотрел. Кокосовый орех проплыл мимо. Бабочка на нём паруском крылья сложила. Медуза качается, громадная, оранжевая. Солнце в ней, как в линзе, отражается. Опять жара. Не знаешь, куда деться. Пошёл я в каюту, лёг на пол. Лежу и слышу за дверью голос:

— Ну, стой же, дура! Ещё ходить я за тобой должен.

Кто-то ругается, а голос упрашивающий. Выглянул я, а это плотник наш, неуклюжий, толстый, в громадных

бутсах. Блюдце с водой в руках держит. Осторожно ступает. А впереди него ласточка лапками по палубе стучит. Так и слышно в тишине: тюк, тюк, тюк... Маленькая, иссохшая. Набок голову повернёт, посмотрит на блюдце, да боится остановиться. Много их залетело к нам на палубу. Вот и плывут без воды, без пищи, высыхают в океане. Погибают. Поставил плотник блюдце, обратно на цыпочках отошёл. Рядом со мной остановился. А ласточка осмелела, напилась и крыльями замахала. Силу почувствовала.

ТРОПИЧЕСКАЯ БАНЯ

Посреди океана у нас пресная вода стала подходить к концу. Только для питья осталась. А мыться забортной приходится, солёной. Мы с боцманом на палубе бассейн из досок сбили, брезентом обтянули. Купаемся и в перерыв и после вахты. Своё море на палубе.

А всё-таки хочется настоящей, пресной водой соль смыть. Скоро мы к каким-то островам пальмовым подплыли. А за ними облака начались. Красные, голубые, сиреневые. И не придумаешь сам таких красок. А от каждого облака вниз тёмные полосы тянутся. Дождь идёт. Тут все на палубу выскочили. И боцман, и плотник, и капитан. Пляшут, танцуют, мылом натираются. Вокруг каждого радуга. И пена радужная! И я за мыло взялся. Только намылился, дождь прошёл. Вот так фокус! Хорошо, следующая туча на помощь подоспела.

Всю ночь так было. Звёзды вокруг,

а облако подойдёт, сверкнёт молния, и струи вниз падают. Кто-нибудь выскочит и моется, моется. Жаль такую воду терять.

„КАПИТАЛИСТ“

Полным ходом мы подходили к Сингапуру. Давно я об этом городе слышал. И что обезьян там прямо на базарах продают и попугаев. И бананы прямо на улицах растут...

Я уже разглядывал домики на сваях, тропические заросли, когда из-за мыса навстречу нам вылетели несколько джонок. Это лодки такие. На носу каждой человек стоит, верёвкой размахивает. Моторы тарахтят. На джонках малайцы с ящиками, с тюками. Выкрикивают: «Давай, давай!» Подлетели к нам, канаты с крюками на палубу забрасывают, карабкаются вверх.

Около меня мальчишка взбирается. Заскочил на палубу, и мигом — место захватывать.

Бегут друг другу навстречу, вот-вот лбами сшибутся. Удивился я, спрашиваю боцмана:

— Что это они?

Боцман мне подмигнул только.

— погоди. Сейчас базар будет.

Один малаец ковры разворачивает, другой коробки какие-то открывает. А мой мальчишка на циновке пуговицы разложил, зажигалки ржавые, иголки. И ходит около них, важно вышагивает. И сам-то себе важным кажется. Торгует! Я спрашиваю у него:

— Что это, хозяин тебя поставил?

Он возмутился:

— Я сам хозяин! — Подумал, поднял вверх палец и добавил: — Капиталист!

Мы только рассмеялись. А он закурил огрызок сигары, важно расхаживает. Капиталист! Маленький, ноги кривые и рот беззубый. От болезни. А тоже в капиталисты тянется. Потом подаёт мне булавку, говорит: «Покупай. Американская. У русских таких нет!» Да только опять все рассмеялись.

Пошли мы в город. И «капиталист» наш собрался. Плохо идёт торговля. По дороге не поладил с полицией. Развернулся полицейский да как даст ему по шее! Стал собирать парень рассыпанные булавки и зажигалки. Носом шмыгает. Не везёт «капиталисту».

В СИНГАПУРЕ

В Сингапуре мы в Октябрьские праздники оказались. Я радиogramму поздравительную получил. Оделись мы празднично, в город выбрались. Вышли на главную улицу — Сити. Дома в небо поднимаются, фонари под пальмами сверкают. Торговцы индусы важно расхаживают. В чалмах, халатах. Английские офицеры разъезжают в машинах, головы на сиденья откинули. Всё в громадных стёклах отражается. И небо. И море. И корабли вдалеке.

А мы себя празднично, по-советски чувствуем. Дома-то у нас праздник!

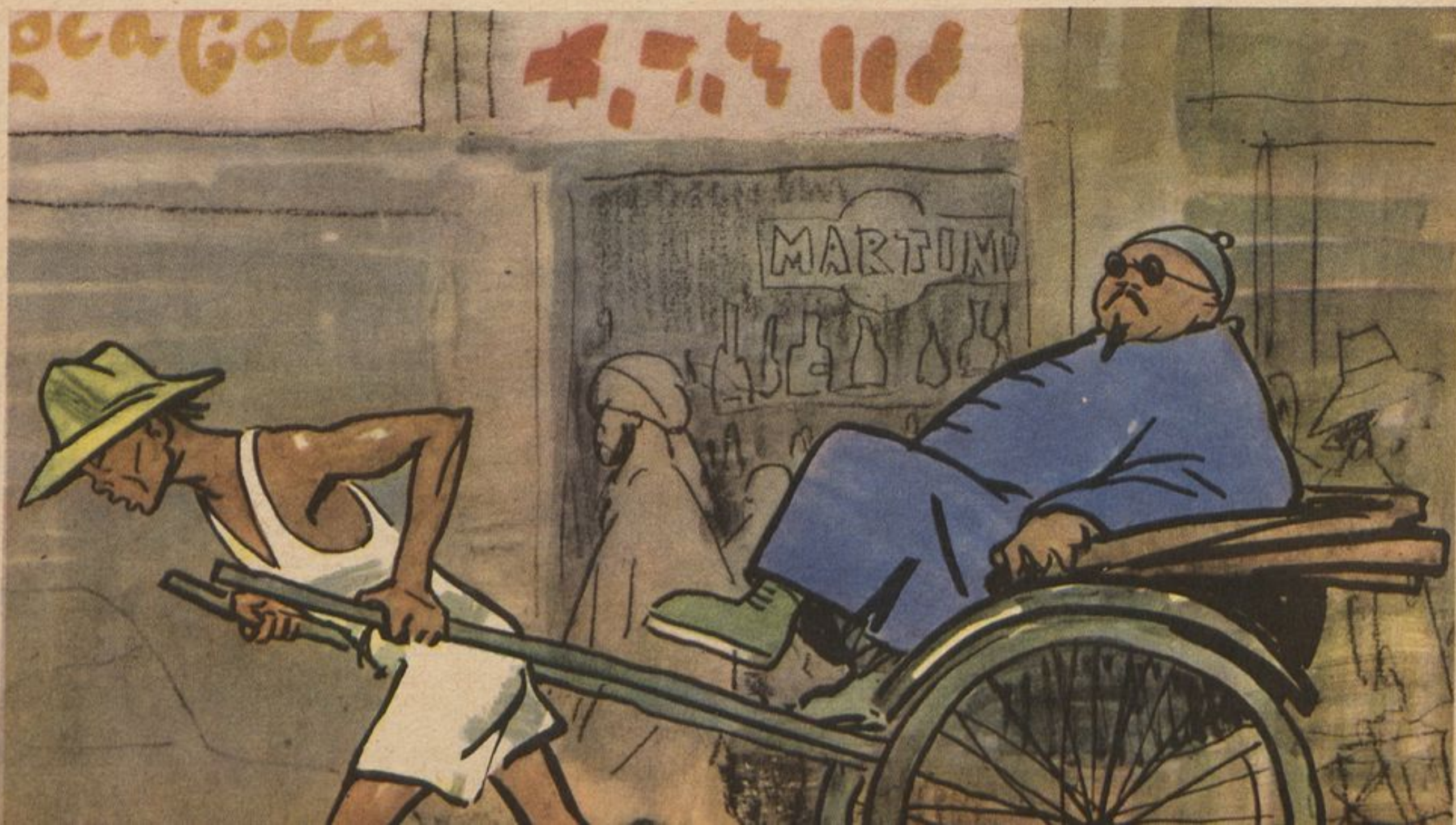
Тут из-за угла маленькая девочка индианка с пятнышком на лбу, ручонку протягивает, милостыню просит. Дали мы ей монетку, за угол свернули. Навстречу нам человек, тощий, испуганный, тележку тянет, показывает: «Садитесь, повезу». Это рикша. Боцман остановил его и пальцем показывает, объясняет:

— Ты садись, а повезу я!

Бедняга даже испугался, ладонями замахал. А боцман подмигнул.

— То-то! А мы, советские, на людях и подавно не ездим.

Зашли мы в какую-то узкую улочку. Боцман её одним шагом перемахнёт! Духота вокруг, воздух липкий. Дома старые,

друг над другом, кажется, закопчённые. Керосином и чесноком пахнут. И не-бо вдруг пропало. Люди как куры на насесте сидят. Кто осьминогами и каракатицами торгует, кто требуху жарит. Над головой бельё сырое качается. А детвора кругом голая, грязная.

А вот через улицу два малыша — сами, видно, ещё из колясок недавно вылезли — тележку тянут. На ней баки с водой большие, тяжёлые. Нагнулись мальчуганы и налегают изо всех сил. Отдохнут чуть-чуть и снова тянут. Посмотрели мы, боцман руки потёр, говорит:

— А ну-ка, поможем работникам.

Подошли мы к ним, взяли за верёвку, перетаскивали через улицу. Улыбаются малыши, а сами отдышаться не могут. Даже от мух не отмахиваются.

Собрались мы дальше. А за спиной опять тележка тарахтит. Оглянулся — малыши топают.

А у нас дома праздник, демонстрация. Школьники с флажками идут. Вот бы этих ребятшек туда!

ДУСИНЫ ИМЕНИНЫ

Хлеб у нас на пароходе всегда вкусный, пышный. Это Дуся-пекариха работает. Сама маленькая, круглая, а управляется ловко. Как начнёт хлебы в печь сажать, так по всему океану сдобные запахи.

А в Сингапуре надела она праздничный фартук, розами расписанный, светлой косынкой повязалась. Вздыхает и говорит:

— Пойду пирогов напеку. Именинница я сегодня.

Стала тесто месить, пироги печь. Так запахи за иллюминатор и потянулись. А на палубе у нас сингапурские грузчики работали. Индусы, малайцы. И женщины были, трюмы чистили. В обед отсядет каждый от других в сторонку, над горшочком или банкой наклонится, есть начинает. А кто победней, у того вообще

ничего нет. Ходит по палубе, курит, отворачивается.

А тут Дусиными пирогами запахло. Проходят грузчики, в иллюминатор заглядывают, как там тесто шипит на сковородке, румянится.

Заметила это Дуся. Одной женщине пирожок протянула: «Угощайтесь». Женщина надкусила, головой от удовольствия закачала, отломила половину, показывает: «Детям отнесу». Дуся ещё один пирог дала. Тут другие женщины подошли. Дала и им Дуся по пирогу. Все охают, кто по-индийски, кто по-малайски. А от пирожков только пар поднимается.

Тут и сама Дуся разохотилась. Пошла себе пирог брать. А там-то всего один и остался. Огорчилась Дуся сначала: и сама-то как следует не угостилась и команде попробовать не дала. А потом огляделась: все довольные вокруг стоят, благодарят, кланяются — и рассмеялась:

— Эх, чего жалеть! Зато всем миром именины отпраздновали!

(Окончание
в следующем номере)

КОРАБЛЬ УХОДИЛ В ОКЕАН

Л. КОНДРАШЕНКО

Рис. М. САЛТЫКОВА

С якоря падали
Капли, звеня.
Корабль уходил
В океан.
На пирсе
В закате июльского дня
Стоял и грустил мальчуган.

И в даль голубую
Смотрел он,
Пока
Корабль не исчез
Вдалеке.
Три маленьких,
Серых, засохших бычка
Болтались
На нитке в руке...

Похлопало солнце
Его по плечу
Последним,
Закатным лучом.
Мальчишка был рад
Золотому лучу,
Но думал
О чём-то своём...

Он руку засунул
В дырявый карман,
Ушёл,
Не сказал ничего.
А что говорить?
Ведь корабль в океан
Опять уходил
Без него...

КАЛЕНДАРЬ НА ДЕКАБРЬ

ПОНЕДЕЛЬНИК	—	2	9	16	23	30
ВТОРНИК	—	3	10	17	24	31
СРЕДА	—	4	11	18	25	—
ЧЕТВЕРГ	—	5	12	19	26	—
ПЯТНИЦА	—	6	13	20	27	—
СУББОТА	—	7	14	21	28	—
ВОСКРЕСЕНЬЕ	1	8	15	22	29	—

1 декабря — День Африки.

5 декабря — День Конституции.

30 декабря — В 1922 году на Первом Всесоюзном съезде Советов советские республики объединились в единое государство — Союз Советских Социалистических Республик.

СОРИНКА

В. КРАПИВИН

Рис. Н. УСТИНОВА

Ветер жил в водосточной трубе старого двухэтажного дома. Он поселился там давно, когда труба ещё не была покрыта ржавчиной и вокруг стояла маленькая деревня, а не большой город.

От деревни только и остался этот один-единственный дом с кирпичным низом и бревенчатым верхом. Среди деревенских изб он был самым большим, а в городе оказался самым маленьким, если не считать газетных киосков.

Ветер, живущий в трубе, был тоже маленький. По сравнению с ветрами, которые летают над всей землёй и гнут большие деревья, это был просто уличный сквозняк. Алька звал его Шуршун, потому что этот ветер, когда вылетал на улицу, сразу начинал шуршать по асфальту сухими листьями.

У Шуршуна был очень скверный характер. Наверное, от зависти. Шуршун завидовал большим ветрам. Он злился на своё бессилие и, чтобы на него обратили внимание, старался навредить людям. Вырывал из рук газеты, хлопал форточками, поднимал пыль в переулках. Но сил у него хватало всего на несколько минут.

Иногда, в холодную погоду, Шуршун выл в трубе от тоски

и злости. Труба была дырявая, проржавевшая, и Шуршун мёрз в ней.

Алька прижимался щекой к трубе и слушал, как голосит противный ветер.

Приходила соседская девочка Женька и тоже слушала.

Они оба не любили этот ветер. Однажды Шуршун залетел в открытое окно, хлопнул створкой и опрокинул пузырёк с тушью на чертёж старшей Алькиной сестры Марины, который лежал на подоконнике. Попало, конечно, Альке. А у Женьки Шуршун прошлым летом вырвал из рук голубой шар с нарисованным жёлтым цыплёнком. Было бы не обидно, если бы шар улетел к самому небу. Но Шуршун не хотел отдавать его ветрам, которые высоко-высоко передвигали горы белых облаков. Он ударил голубой шар с жёлтым цыплёнком о провода, и шар лопнул.

— Почему он такой вредный? — говорила Женька. — Прямо ужас какой вредный!

— Он как маленькая собачонка, — решил Алька. — Большие собаки всегда добрые, а маленькие только и хотят за ногу тяпнуть.

Алька и Женька, чтобы разозлить своего врага, по очереди кричали в трубу:

— Эй ты, сквозняк несчастный!

Шуршун замолкал, услышав такие оскорбительные слова, а потом ещё громче выл от возмущения...

Однажды зимой Алька, Женька и Валерка шли из школы. Вернее, шли только Валерка и Алька. Они тянули за верёвочку санки. На санках сидела Женька и держала три портфеля: свой и мальчишек. Они возвращались с урока физкультуры. Урок у первоклассников был весёлый: соревновались в парке, кто дальше всех съедет с горы.

— А Валерка ехал-ехал да как головой в сугроб вrrрежется! — вдруг вспомнил Алька.

Валерка сразу засмеялся. Он любил смеяться. А Женька хохотала так, что рассыпала портфели и сама свалилась на бок.

Шуршун терпеть не мог, когда кто-нибудь весело смеялся. Кроме того, он давно хотел отомстить Альке и Женьке за насмешки. Он полетел к котельной, поднял там с земли несколько крошечных острых угольков, смешал их со снежной пылью и понёс навстречу ребятам.

Валерка, всё ещё смеясь, подставил снежному облаку лицо. Было очень приятно, когда снежинки таяли на разгорячённых щеках. А Женька не решилась подставить лицо снегу и закрылась шапкой с пушистым помпоном.

Потом они взглянули на Альку и увидели, что он совсем не смеётся. Он стоял, опустив голову, и тёр кулаком глаз.

— Ты что? — удивилась Женька.

— Соринка попала, — сморщившись, сказал Алька.

— Больно? — сочувственно спросил Валерка.

Алька не ответил. Ему было так больно, будто глаз проткнули иголкой. Слёзы сами собой бежали по щекам.

— Не три кулаком, — сказала Женька. — Дай я соринку языком вытащу. Я умею.

Она была просто сумасшедшая! Алька даже подумать боялся, что кто-то может дотронуться до его больного глаза. Он его и открыть-то никак не мог, а рука сама прижималась к лицу.

— Ну-ка, покажи, — велела Женька.

— Убирайся! — крикнул Алька. — Как дам!

Женька скривила губы и сказала:

— Недотрога! Испугался!

Алька одним глазом поглядел на санки, схватил свой портфель и трахнул Женьку. Но если смотришь одним глазом, да ещё сквозь слёзы, всё кажется каким-то перекошенным. И Алька промахнулся. Он треснул портфелем не по Женьке, а по собственной ноге. А Женька отскочила и запела:

— Не-до-тро-га... Алька-каралька!

— Опять вы... — жалобно сказал Валерка. — Ну хватит вам!

Он больше всего на свете не любил, когда кто-нибудь ссорился. Сам он никогда не обижался и ссорился очень редко. Валерка был весёлым и улыбался почти каждую минуту. А когда кто-нибудь начинал ругаться, лицо у Валерки делалось грустным, будто он вот-вот заплачет.

— А тебе какое дело? — сказала ему Женька. — Ты не лезь.

Алька снова тёр глаз кулаком, но другим глазом следил за Женькой. И думал, погнаться за ней или не стоит.

Валерка взял Женькин портфель, поставил его на покрытый снегом тротуар. Алька видел, как уходил Валерка. Он тащил санки, будто они были тяжёлые-тяжёлые. А на санках лежал только один Валеркин портфель.

Дома Алька долго промывал глаз водой, и соринка, наконец, выскочила. Но настроение всё равно было плохое. Он сел готовить уроки и даже решил два примера, но потом бросил ручку. Делать домашние задания один он не привык.

Алька вспомнил, как Валерка тащил на санках свой портфель, и ему стало совсем грустно. Даже злость на Женьку пропала. Он походил по комнате, потом натянул пальто и шапку и выскочил на улицу.

На улице он сразу увидел Женьку. Она шла в ту сторону, где стоял дом Валерки.

Пошёл и Алька.

Они шли по разным сторонам тротуара и делали вид, что вовсе не знают друг друга. Потом Женька протянула, будто сама с собой разговаривала:

— А я к Валерику пошла, во-от...

— Больно ты ему нужна! — не оборачиваясь, сказал Алька.

— Я у него задачник забыла, — проговорила Женька, разглядывая на ходу небо с клочковатыми облаками.

— А я..: я тоже забыл... — Но Алька так и не придумал, что он забыл у Валерки. И решил больше с Женькой не разговаривать.

Только как-то так получилось, что шагали они уже не по разным краям тротуара, а посередине, совсем близко друг от друга.

— Соринка-то всё ещё сидит в глазу? — тихо спросила Женька.

— Выскочила, — вздохнул Алька и зачем-то потёр глаз кулаком.

— Не три варежкой, — строго сказала Женька. — Натрёшь — ещё пуще болеть будет.

— Да уже не болит, — сказал Алька. — Это я так.

Они поравнялись со старым домом, и Алька грохнул кулаком по ржавой трубе.

— Это всё из-за него.

— Из-за Шуршуна?

— Конечно, — смущённо сказал Алька. — Это он соринку мне в глаз запустил.

— Вот вредняга! — посочувствовала Женька. — Запереть бы его тут.

Оба поглядели на трубу.

— Как его запрёшь? — сказал Алька. — Это всё-таки ветер.

— Сделать деревянную затычку, — развеселилась Женька. — Сделать вторую. Внизу трубу заткнуть и вверху...

— А на боках у трубы вон сколько дыр.

— Да-а...

— Ну его, — махнул варежкой Алька. — Всё равно соринки уже нет. Ничего у него не вышло.

Шуршун в трубе тихо завыл от досады.

А они зашагали быстро-быстро, чтобы поскорей прийти к Валерке, который, наверно, совсем загрустил один.

ЁЖ И ЁЛКА

ЕСТЬ У ЁЖИКА И ЁЛКИ
ОЧЕНЬ КОЛКИЕ
ИГОЛКИ.
В ОСТАЛЬНОМ НА ЁЛКУ
ЁЖ
СОВЕРШЕННО НЕ ПОХОЖ.

РАКИ И
РАЗ СПРОСИЛИ У МЕНЯ:
-РАКИ РЫБАМ-РОДНЯ?
ДУМАЛ Я ЧЕТЫРЕ ДНЯ:
-РЫБЫ РАКАМ-РОДНЯ?

Я СМОТРЮ В ОКНО

Виктор ГОЛЯВКИН

Я жду окончания урока. Смотрю в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет.

Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берёт булку и суёт в рот. Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и всё жуёт и жуёт.

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так, чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поёт он не очень громко, но я слышу, как он поёт:

С моей родною конницей
Связался я навек...

РЫБЫ

А ПО-ТВОЕМУ
КАК:
НЕ РОДНЯ ЛИ РЫБЕ
РАК?

ГОВОРЯТ...

ГОВОРЯТ,
НА ЗАРЕ
СОБРАЛИСЬ
НА ГОРЕ
ГОЛУБЬ,
ГУСЬ
И ГАЛКА...
ВОТ И ВСЯ
СЧИТАЛКА.

ВСТРЕЧА

КАК-ТО РАЗ НА ДНЕ
СТАКАНА
КАРЛИК ВСТРЕТИЛ
ВЕЛИКАНА.
-КАК ЖЕ ТЫ ПРОЛЕЗ В
СТАКАН?
УДИВИЛСЯ
ВЕЛИКАН.

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал со лба волосы. Положил мел.

Стук и пение прекратились.

Только толстый мальчишка жуёт. Он не может сжевать свою булку. Ещё бы! Правда, булка не очень большая, но сразу её не сжуёшь.

— Вы поняли? — говорит папа.

— Поняли! — кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

— Все списали? — говорит папа.

— Все! — кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

— Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все. Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтоб меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду здесь папу. И мы с ним идём домой. Правда, дом наш напротив

школы. Но что ж из этого? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты и вот так же на уроке пихать булку в рот и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа! Мы с ним обнимаемся. И вместе идём домой.

На обложке рисунок Н. УСТИНОВА

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв.

Художественный редактор Ю. Молоканов.

Технический редактор Л. Петрова.

Год издания тридцать девятый. Цена 10 коп. Подп. к печати 19/X 1963 г. Вумага 60×90¹/₈. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1689.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.

